

Градозащитный Петербург

СТАТЬИ

Борис Николащенко: «У Петербурга как пространственной системы нет аналогов»

18 апреля — Международный день охраны памятников и исторических мест. Отличный повод вспомнить о том, как Петербург обрел статус объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО, вместе с автором номинации Борисом Васильевичем Николащенко.

Борис Васильевич, расскажите, как это было — откуда появилась идея номинирования Петербурга, кто ее автор, как шла подготовка номинации?

В 89-м году что случилось? Советский Союз заплатил в ЮНЕСКО взносы, которые дали ему право номинироваться в список Всемирного наследия. И из Москвы пришел в Ленинград запрос о том, что Ленинград выдвинет в список Всемирного наследия.

Тогда ГИОП не был самостоятельной единицей, а входил в систему ГлавУОП — орган, включавший в себя ГИОП и структуры, которые занимались реставрацией всех памятников. И ГлавУОП создал рабочую группу по выявлению объекта — что подавать в список. Там было человек 15: ведущие искусствоведы города, реставраторы. И пригласили нас — Ленинградский научно-исследовательский и проектный институт Генерального плана. От НИИПИ Генплана пригласили меня.

Споры были длительные, в основном о том, что включать. Доминировал «штучный» подход: да, конечно, надо самые выдающиеся памятники в центре включить. Но вот Смольный монастырь включать или нет? Лавру включать или нет? Вот об этом спорили.

Я выступил на этом собрании, и сказал, что это неправильно — говорить о том, что надо включать какие-то здания, потому что Петербург силен не зданиями, а именно своим целым — системой, ансамблями. Все об этом привыкли говорить, но когда дошло до конкретики, стали спорить: как это так? Да, вот так, всю эту систему, которая здесь возникла, этот искусственный город, созданный Петром, и надо в целом включать.

И с Вашим предложением согласились?

Эти споры и дальше продолжились бы, если бы не председатель ГлавУОП Алексеев — человек совершенно далекий от искусства, строитель, деятель по партийной линии (КПСС играла тогда большую роль). Ему понравилась эта идея, ее новизна. Почему? Потому что он понял, что это быстрее. Памятники надо выбирать — какие включать, какие нет, экспертизу надо делать.

Он сказал: «Давайте, делайте», — и дал месяц. Это была осень 1989 года. И мы сделали.

Кто участвовал в подготовке номинации? Кто поддерживал, были ли оппоненты?

Я был автором идеи. Я много лет проработал в первой мастерской Леннии проекта, которая занималась Генпланом города. Был накоплен большой опыт по проектированию и старых районов, и новых, и центра города. Мы были авторами проекта зон охраны исторического центра, утвержденного горисполкомом в 88-м году и действовавшего 20 лет, благодаря чему центр и сохранился в достаточно хорошем состоянии. И делали зоны охраны не только центра, но и пригородов. И этот опыт нам помог.

В моей бригаде работала Сементовская Марианна Авенировна, которая была архитектором с таким историческим уклоном. Она прекрасно знала историю, у нее были хорошие наработки. Нас поддержали только три человека: Денисов Юрий Михайлович, его уже нет в живых, историк из университета, Башинский Олег Михайлович, архитектор, который занимался в основном малыми формами и зелеными насаждениями — проектировал парки, и Горбатенко Сергей Борисович, который возглавляет сейчас Санкт-Петербургское отделение ИКОМОС. Текст писали два человека, я и Башинский.

Остальные — искусствоведы, реставраторы — были против. Они не понимали, как можно охранять какой-то форт Александр (Форт «Император Александр I» («Чумный») — оборонительное сооружение, входящее в систему обороны Кронштадта — Ред.), зачем его охранять наряду с Зимним дворцом, восклицали: «Как это можно?». Я говорю: «Да очень просто. Да, это разноуровневые памятники, но они входят в единую систему, и в этом смысле должны охраняться одинаково».

Штучный подход укоренен в этой среде: охранять надо здания. А в этой номинации главное — пространство. То есть, охраняется пространство, панорамы, образ города. Это очень важно. И нам еще предстоит привести в соответствие с номинацией ЮНЕСКО культуроохранное законодательство города. До сих пор все региональные формулировки, которые касаются охраны наследия в Петербурге, грешат штучным, списочным подходом. Пиотровский это заметил, когда стали безобразничать на Дворцовой площади — оказывается, она не является объектом охраны. То есть, пространство Дворцовой площади не охраняется, на ней можно делать все, что угодно.

В Петербурге есть памятники, безусловно, мирового уровня — Зимний дворец, Александровская колонна, Адмиралтейство, Исаакиевский собор. Но все равно есть аналоги этих зданий в Западной Европе, которые превосходят качеством, материалом, древностью наши памятники. Поэтому раритетность наших памятников несопоставима с имеющимся там аналогом. А вот что касается Петербурга как пространственной системы — нет таких аналогов. Есть, например, Вашингтон. Он моложе Петербурга, меньше по размеру и сыграл меньшую роль в культуре своей страны. Петербург его превосходит. Есть Канберра — еще более молодой город. Еще Бразилиа искусственный город. Все остальные исторические города отличаются от Петербурга именно тем, что они естественны, как кольца дерево наращивали тело. А Петербург возник сразу на огромном пространстве. Вся система Петербурга была заложена при Петре, со всеми своими дорогами, фарватерами, точками прикрепления к центру. А потом обрастала телом.

Как принималось решение о границах номинации, о том, что в нее все-таки войдет?

Для этого использовали списки ГИОПа — списки памятников. Когда памятники картируются, они образуют пространство. Восприятие этих памятников образует панорамы. И сразу видно, что нужно охранять, где эти пространства. Мы их обводим, а потом еще обводим контуром зоны влияния этих памятников. Получаем номинацию. Ну и фарватеры, и дороги, которые

связывают всю систему — города Павловск, Гатчина, Царское село. Еще важно, что объект расположен на территории двух субъектов Федерации. Когда советская власть исчезла, возникло два субъекта РФ, и часть номинации оказалась на территории Ленинградской области. Это тоже усложнило ситуацию, было поводом для всяких сомнений, игр, интриг. Но удалось это решить, были привлечены специалисты Ленобласти, все согласовали.

Как рисовали карты? Это же 89-й год. Компьютеров-то не было...

Это был большой лист, метра 3,5 — 4. Он был сложен гармошкой и отправлен. Когда в 90-м году номинацию утвердили, нас попросили из Парижа через Москву повторить чертеж немного в другой форме. То есть, мы это сделали два раза.

Можно ли было на что-то ориентироваться при подготовке заявки? Примеры других городов, специфический язык, критерии ЮНЕСКО...

Проблема была в чем? Мы провинциалы. Мы жили в своем городе, у нас было очень мало информации о мире. Знали только свой город. Самое трудное: чтобы оценить роль Петербурга, надо было знать все города. Нам помогла Публичная библиотека. Мы сидели в Публичной библиотеке, смотрели карты, которые можно было найти. Там довольно богатая картография. И мы изучили города, их историю. И особенности Петербурга нам стали ясны, мы смогли их оценить, несмотря на то, что были провинциалами и многого не знали. С точки зрения организации пространства, системности, многоуровневости мы превосходим все искусственные города.

Как развивались события дальше?

Мы эту работу закончили, ее быстро провели через согласование в городе, и все эти материалы — тексты, карты — ушли в Москву, и из Москвы были направлены в Париж. Примерно через полгода из Парижа пришел ответ о том, что материалы приняты. Там была такая фраза: «Включение Санкт-Петербурга в целом, с окрестностями, как единого объекта в список всемирного наследия настолько очевидно, что не требует никаких доказательств». Мы потом узнали, что автором этого текста был эксперт ИКОМОС из Болгарии Тодор Крестев. Он приезжал позже, когда возникли сомнения, и послужил тем фактором, который восстановил значение нашей номинации и все кончилось благополучно. Замечательный человек, который очень хорошо разобрался в сути вопроса.

И уже в 90-м году наша номинация была утверждена специальной сессией ЮНЕСКО, которая состоялась в Канаде, в городе Банф. Петербург был включен в список всемирного наследия под номером 540, это был первый объект такого рода в Советском Союзе. После нас был включен Кремль в Москве, потом Самарканд, Кижы. Мы были первые, все остальные номера больше.

Замечательно то, что это первая такая номинация — не было аналогов в мире, чтобы центр такого большого города с окрестностями включался как единый объект.

И уже только лет через 20 парижане попытались включить Париж. Париж, конечно, достоин... но они там запутались и это так и осталось нереализованным.

Именно под влиянием нашей номинации на западе стали пытаться сделать это в других местах. То есть оказалось, что мы на 20 лет обогнали Западную Европу — в том, что касается (номинация — Ред.) исторических городов. Они осознали, что там тоже есть города, которые можно номинировать.

После такого впечатляющего успеха какова была дальнейшая судьба номинации?

Жизнь этой номинации сложилась непросто. В 90-м она была утверждена, а уже в 91-м фактически рухнула власть, изменилось общественное устройство. В городе тоже сменилась власть, появился Собчак. И началась странная игра: стали говорить, что никакой номинации не было, никакие документы не отправлялись, все это выдуманно. Я присутствовал на нескольких совещаниях, где это всерьез говорилось. И как ни странно, эта игра была поддержана многими известными искусствоведами. Они были обижены, что в свое время их не послушали и отказались от штучного подхода. И они стали поддерживать идущую сверху, как мне кажется, идею о том, что об этой номинации не нужно помнить, ее нет, все это не нужно и неправильно.

Мне кажется, тут было две причины. Первая — это был успех старой, советской, коммунистической власти. А раз это ее успех, мы, новая власть, должны с этим бороться. Это явно просматривалась. А вторая — новая рыночная идеология, которая считала, что это недостойное, вредное ограничение для развития экономики, бизнеса в городе, потому надо это отменить.

И эта борьба фактически продлилась с 91-го года до 14-го — 23 года. И только в 2014-м году наконец на 38-й сессии ЮНЕСКО в Катаре, городе Доха эта игра была завершена и было сказано: номинация сохранена в основных чертах, корректировка касается только геоподосновы. Что и было продемонстрировано.

Можно ли оценить, каков эффект статуса объекта ВКН ЮНЕСКО для сохранения Петербурга, развития туризма, статуса города?

Пример с Охта-центром лучше всего показывает эффект: если бы не было номинации, Охта-центр был бы построен. Но сыграла роль боязнь, что номинация может быть аннулирована. Это подействовало и на власть, и на городское сообщество, и на общероссийское.

Конечно, статус. И в законе четко написано, что есть иерархия видов охраны, и на высшей ступени находится список объектов Всемирного наследия. А раз так — статус имеет большое значение.

Ну и по интернету можно судить. Я помню, что когда в 2008-м появился буклет, какие-то молодые люди были просто в восторге — они узнали, что есть нечто, чем можно гордиться.

Борис Васильевич Николащенко — член Совета по сохранению культурного наследия при Правительстве Санкт-Петербурга, в 1980-х — автор проекта планировки исторического центра Ленинграда (в составе Генплана), инициатор включения исторического центра города и пригородов в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Беседовали Юлия Мурашова и Дмитрий Воробьев. Фото Марии Волковой.

Интервью записано в декабре 2016 г.

18.04.201827.05.2018# ЮНЕСКО

